ציפורה כוכבי-רייני
ЦИПОРА КОХАВИ-РЕЙНИ

КОРОЛЕВА В РАКОВИНЕ מלכת הקונכיה

סיפור חייה הסוערים של נעמי פרנקל

Повесть о беспокойной жизни израильской писательницы Наоми Френкель

ניצחון הרוח

גפן בית הוצאה לאור

Ципора Кохави-Рейни

Королева в раковине

«Книга-Сэфер»

Кохави-Рейни Ц.

Королева в раковине / Ц. Кохави-Рейни — «Книга-Сэфер»,

Биографический роман Ципоры Кохави-Рейни посвящен детству и юности известной израильской писательницы Наоми Френкель.Беззаботное детство в большой, богатой, просвещенной, ассимилированной еврейской семье в благополучном Берлине..Неординарная девочка, живущая напряженной духовной жизнью, постигающая мир.Тридцатые годы. Нацизм. Крах надежд, потеря родины.Отъезд в Палестину – Эрец Израэль, Страну Израиля.Надежды и тяжкие разочарования, одиночество, борьба за выживание…И Любовь, Надежда, Вера…Все это – в уникальной и актуальной книге. Книге, которая лучше любой исторической монографии познакомит внимательного читателя с трагическими и героическими годами, пережить которые выпало народу Израиля, евреям и всему человечеству в середине XX века.

© Кохави-Рейни Ц.
© Книга-Сэфер

Содержание

Вступление 6
О Наоми Френкель 8
Литературные премии 11
О создании трилогии 12
О себе – в образах героев ее книг 14
Об изгнанниках из Испании 15
Моя благодарность 16
Глава первая 17
Глава вторая 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Ципора Кохави-Рейни
Королева в раковине

Сыну моему Йони (Йоханану) Рейни и всем моим ученикам

Повесть о беспокойной жизни израильской писательницы Наоми Френкель

Издательство «Книга-Сефер», Израиль 2014

Перевод с иврита: Эфраим Баух
Редактор: Алла Борисова
Верстка, оформление: Генеса Неплох

© Ципора Кохави-Рейни, 2014
© Эфраим Баух, перевод, 2014

Вступление

"Лучше не спрашивай и не слушай, что будут обо мне говорить, не думай о читателях. Пиши истинную правду о моей жизни".

Наоми Френкель доверила мне свои самые сокровенные тайны, переложив на мои плечи все то, что тяжким грузом лежало на ее сердце. Каждый раз, когда я сомневалась, стоит ли выставлять на всеобщее обозрение то или иное событие ее жизни, она требовала: публиковать, какими бы откровенными или интимными не были эти истории.

Она говорила ясно и непререкаемо:

"В жизни моей были две возможности. Не жить среди людей или прятаться за всяческим повествованиями и каким-то образом все же находить общий язык с людьми. Литературное творчество ограждало от агрессивности окружающего мира. Меня даже боготворили. Этим я добилась для себя душевного спокойствия и все же ужасно страдала.

Представить это невозможно.

Соприкосновение с людьми заставляло меня рассказывать всевозможные небылицы. Я просто не могу сказать правду. Люди этого не понимают. Это приносило мне тяжкие душевные страдания, со мной случались ужасные вещи. Но все это кончилось, ушло в прошлое".

В годы, проведенные с любимым человеком Израилем Розенцвейгом, с 1952 по 1969 год, сердце ее раскрылось.

В первом нашем разговоре по поводу написания биографии Наоми сказала, что Израиль Розенцвейг ворвался счастьем в ее трагическую жизнь. Но счастье это исчезло с его смертью. Можно утверждать, что с того дня, как он обнаружил писательский талант Наоми, Израиль целиком и полностью пожертвовал собой, посвятив себя единственной цели – раскрытию и развитию ее личности, и делал это с горячим и любящим сердцем. Корни этой любви были глубокими, но запутанными и ранящими, хотя и невероятно сильными.

"Я хочу, чтобы знали: ты – единственная, которой я доверила мои интимные переживания, связанные с Израилем Розенцвейгом", – сказала она и вручила мне ключ к написанию ее биографии. Она понимала, что я не смогу понять ее, не поняв человека, который оказал на нее решающее влияние и продолжал влиять даже после смерти.

"Очень редко открывалось окошко вглубь его редкостной личности. Сам Израиль был человеком замкнутым, и никому не давал к себе приблизиться", – заметила она, чтобы точнее и детальнее передать мне подробности разных периодов его жизни. Наоми раскрыла мне его секреты, ознакомив с черновиками его статей, записями мыслей, размышлений, грудами писем, стихами и страницами дневников, хранящимися до поры до времени в папках. Среди его тетрадей я нашла и краткую автобиографию:

"*Я родился в Варшаве 9 декабря 1902 года. После учебы в ивритской школе Ш.Л.Гордона и четырех классов образовательной гимназии "Хинух" был принят в 1918 году в государственный учительский семинар для граждан Моисеевой веры, который был основан в том году в Варшаве доктором Шмуэлем Авраамом Познанским. Мишну и Талмуд я изучал до совершеннолетия с частным учителем в родительском доме.*

Закончил семинар в 1923 году и начал работать учителем в начальных государственных школах в одном из провинциальных городков Польши, а затем в Варшаве – до 1929 года. В том же году я репатрировался в Израиль. В 1930 году я вступил в кибуц Бейт-Альфа, где преподавал в школе до 1936 с перерывом в один год (1934), в течение которого изучал природоведение в институте биологии в Тель-Авиве, основанном Йегошуа Марголиным, чтобы в дальнейшем преподавать этот предмет.

С 1936 по 1946 работал в хозяйстве кибуца. В эти же годы я также занимался редакторской работой, как член редколлегии издательства "Сифриат апоалим" (Библиотека трудящихся"), и различными переводами. После этого занимал различные общественные должности в кибуцах Бейт-Альфа, Арци, Ашомер Ацаир (Молодой страж), продолжая заниматься переводами, редактированием и писанием статей, главным образом, по вопросам образования и литературы. В течение пяти лет работал лектором по еврейской истории и ивритской литературе в семинаре кибуца Арци и Ашомер Ацаир в Гиват-Хавива. Уволился оттуда по состоянию здоровья. В последние годы работал на киббуцной фабрике термостатов.

Мои переводы:
Гришко де Луна. Генетика. Издательство "Сифриат Апоалим", 1950.
Фройлих. Роза Люксембург. "Сифриат Апоалим", 1942.

Редактирование:
Темы. Сборник исследований по вопросам экономики, общества, истории и литературы. Издательство "Семинар кибуца Арци в Гиват Хавиве".
Книга об организации "Ашомер Ацаир" (Молодой Страж). Том первый. "Сифриат Апоалим". Сборник статей на темы литературы, образования в кибуце.

Статьи:
Об Агноне: "Без бремени беременности" Журнал "Орлогин", 11, 12"
Об Изхаре: "Бог и долина". Журнал "Отклики". Сборник статей об образовании, проблемах общества и литературы – в журналах "Офаким" (Горизонты), "Орлогин" (Часы), "Хэдим" (Отклики) и "Сугиот" (Темы) ".

Больно было Наоми видеть жизнь Израиля. Его мудрость и талант давали возможность самореализации в любом месте и в любом обществе. Но им владела идея кибуца. Он увлекся утопией, которая сузила горизонты его жизни. Он не видел, а, быть может, не хотел видеть жестокую сторону киббуцной жизни, противоречащую человеческой природе. По мнению Наоми, он был пленен девизом, абсолютно лишенным живого человеческого содержания, под которым вел киббуцное движение страны (Кибуц Арци) ее вождь Меир Яари – "Первым делом, руки". До последнего дня он уже с трудом добирался до навеса фабрики термостатов предприятия "Амкор", боясь ужасного публичного оскорбления тех дней – "Паразит".

Она видела его в эти минуты слабости и сказала: в кибуце создали цветущие дворы и приятные для жизни белые домики, но человека оттолкнули в сторону.

После смерти Израиля, она выполнила его завещание. Построила дом для его единственной дочери вместе с ответственным секретарем Союза журналистов Меиром Бен-Гуром. Но сохранить этот дом не удалось, и дочь вернулась в кибуц Бейт-Альфа, в котором выросла.

По мнению Наоми, ее замужество после смерти любимого человека оказалось неудачным, ибо она не могла освободиться от присутствия Израиля. Он продолжал жить в ее душе и быть рядом во все дни ее жизни. Его портреты продолжали висеть над ее постелью и над рабочим столом в кабинете. В своем завещании она просила быть похороненной на кладбище кибуца Бейт-Альфа, рядом с человеком, с которым, по ее словам, прожила истинно счастливую и чистую жизнь.

Уже лежа в больнице, на смертном одре, до мгновения, когда закрылись ее глаза, она возвращалась к завещанию, чтобы еще и еще раз выкрикнуть правду о своей жизни. Я поклялась ей, что это напутствие мне будет дорого, как моя жизнь.

О Наоми Френкель

"Как немецкая девочка, я не очень была причастна к великой надежде на воссоздание еврейского государства. Ведь родилась я в ассимилированной семье. Когда растешь в такой семье, тема еврейства вообще мало кого интересует. Никто не воспитывал меня еврейкой. С того момента, когда я начала соображать, я слышала в нашем буржуазном доме, что я немка", – рассказывала Наоми.

Но с того дня, когда на улицах Берлина она наткнулась на нацистов, вышедших из подполья, она почувствовала себя еврейкой, и это буквально воспламенило ее душу. С тех пор она пыталась узнать, что такое иудаизм и что такое – еврей. Всю свою жизнь она тяжело шла к познанию своей еврейской идентичности.

Народ и страна Израиля были содержанием ее жизни. В центре ее творчества стояла тема иудаизма во всей своей сложности и проблематичности.

Историю народа Израиля она описывает в своей лирической прозе, соотнося жизнь человека с жизнью народа и с окружающей природой.

Наоми, можно сказать, ворвалась в израильскую литературу трилогией "Саул и Иоанна". В романах, составляющих трилогию, она описывает историю во многом ассимилированной еврейской семьи и вообще еврейства Германии и Европы в период, предшествовавший Холокосту – 1932–1934 годы. Герои во многом автобиографической трилогии – Иоанна, ее Дед, родители Артур и Марта Френкель, братья и сестры – Руфь, Гейнц, Лотшин, Эльза, Луц и Эрнест по кличке Бумба и многие люди, связанные с ними, проходят по страницам романов. Их ассимиляция отражает общий отход от еврейства в Германии.

В дилогии романов "Ваш друг и дядя Соломон" и "Дикий цветок" она запечатлела историю кибуцного строительства в Сионе, на фоне истории создания Израиля вплоть до Шестидневной войны и Войны на истощение.

Своей кровной и духовной связи с трудной судьбой своего народа она посвящает два своих последних романа, описывающих кровавые события его истории. Времена инквизиции и исход евреев из Испании – в романе "Баркаи", и погромы середины двадцатого века, изгнания евреев из города праотцев, и семь первых лет еврейского государства – в романе "Расставание", «Преда».

Кроме этого, Наоми редактировала дневники героя Израиля Меира Хар-Циона, добавив к ним и свои страницы.

Она написала книгу "Юноша вырос на берегах Аси" – биографический роман о Гиоре Ашкенази, капитане десантного подразделения, который пал в Шестидневной войне.

Она оставила после себя большое количество рассказов и очерков.

Я была студенткой и в то же время проходила действительную службу в штабе военно-морских сил, когда познакомилась с майором Наоми Френкель.

Наоми приветливо и подолгу пристально следила за мной, молоденькой девушкой, которая каждый раз отрывала глаза от книги в тот момент, когда Наоми спускалась в бункер, чтобы продолжать писать сокращенный отчет штабных заседаний. Дело происходило вскоре после войны Судного дня.

"Нашла", – призналась она потом. Она имела в виду путь к этой девушке, которая както сразу ворвалась в ее одиночество. Что-то подсказывало ей, что обе мы – одной душевной организации. И вот она пригласила меня к себе домой.

При первом посещении она дала мне книгу "Иудейский визионер конца эпохи Ренессанса" Йегуды Арье Модина и книгу "Иудейская пустыня" в ту пору уже покойного мужа Израиля Розенцвейга.

С Израилем, ее любимым человеком, она оставалась до последнего его дня, и до последнего дня их беседа не прекращалась. Он поддерживал ее, а порой и поругивал. Израиль и Наоми жили единым сердцем. Образ его и детали его жизни включены во все написанные ею романы – от трилогии "Саул и Иоанна" до романа "Расставание".

Что характеризовало ее жизнь? У нее был серьезный, я бы сказала, аристократический взгляд на мир. Тонкие черты ее лица несли на себе печать прозрения и нелегких раздумий. Форма ее диалектического мышления была важным элементом ее духовного и душевного понимания мира. Она обладала способностью создавать интеллектуальные формы, построенные на сложных и неожиданных парадоксах. Так в трилогии "Саул и Иоанна" действуют более сорока различных персонажей с непростыми характерами, сложно и весьма талантливо связанные друг с другом волей автора.

Наоми Френкель была редким человеком. Ум и талант были ее благословением и проклятием. Душевная ее жизнь была ограждена, внутренний ее мир был воистину замкнут в некое подобие раковины, лежащей на отмели, но в своей неприступности и загадочности хранящей тайны, не дающие покоя людским душам.

Никогда и никому она не исповедовалась. Наоми участвовала в боевых действиях в кибуце Мишмар Аэмек (Стража долины) во время войны за Независимость, в войне на истощение и в войне Судного дня. В этой войне она была единственной женщиной, которая в самый разгар боев форсировала с Ариком Шароном и его бойцами Суэцкий канал.

Сила, горение души, и в то же время слабость были связаны в ней в единый крепкий узел. Храбрость и мужество духа соседствовали с хрупкостью сосуда, который вот-вот упадет и разлетится на осколки. Все ее чувства, все мысли, все эмоции сплелись в единую, плотную ткань. Она была полна загадок и противоречий. Невозможно было определить ее ускользающую от четких определений личность. Внутреннее одиночество сопровождало всю ее жизнь, соседствуя с постоянной боязнью, что кто-нибудь ее поймет.

Всю жизнь она стремилась быть как все. Но это так и не осуществилось, несмотря на ее невероятные усилия, как в кибуце, так и в два последних десятилетия ее жизни в Хевроне – Кириат-Арбе. Она была подвижницей поселенческого движения. С большой любовью относилась она к каждому поселенцу. Она покинула этот мир с верой, которая сопровождала ее с восьмидесятых годов двадцатого века, верой в то, что дух поселенцев Иудеи и Самарии, истинно любящих народ и страну Израиля, победит.

Она постоянно говорила о том, что государства, как политической конструкции, недостаточно для подлинной жизни духа и тела нации. Единственное, что придает смысл еврейскому суверенитету над страной Израиля, это возвращение народа на его историческую родину. Еврейский суверенитет – это возрождение союза евреев со страной Израиля. В заповеди заселения страны речь идет не только о земле. Эта заповедь обращается к душам евреев, избирающим жизнь в стране, как истинное продолжение традиций праотцев и дней величия народа и страны. В заповеди заселения речь идет о сохранении духовного наследия еврейского народа на его исторической родине. Возвращение в Сион, это возвращение к священному акту у горы Синай, это обновление союза, который был нарушен изгнанием в диаспору.

Наоми черпала поддержку в душевной силе и твердости молодежи, верной своему народу и стране. В них она видела верность того еврейского меньшинства, которое, как говорится, не спрыгнет с телеги в дни тяжкого кризиса, а понесет факел из поколения в поколение, по примеру праотцев. Она хранила в сердце мечту, что настанет день, и появятся смелые духовные учителя, которые внесут необходимое обновление в иудаизм.

Наоми всегда была одиночкой. Никто не виновен в ее несчастливой жизни. Она от рождения отличалась чертами характера больших художников, которые осложняли ее жизнь. Большую ее часть она жила в обществе, начертавшем на своем знамени великую и справедливую

в ее глазах идею, и во имя ее она была готова выдержать самую жестокую несправедливость по отношению к себе.

Реальный и виртуальный миры воспринимались ею воедино. Она жила в постоянной борьбе за разделение этих миров из боязни, что виртуальный одолеет реальный. Все вокруг виделось ей как бы в двойном фокусе. С детства, когда она читала книги, воображаемый мир и оригинальные мысли смешивались в этих повествованиях, создавая самостоятельную реальность. Всю жизнь она боролась с этими качествами больших художников, тяжело переживая свою необычность и отчужденность. О своем отличии от окружающих ее людей она писала в трилогии "Саул и Иоанна":

"*Она пела свою песню, и мелодия была ее собственной, не заемной. Голос ее действительно не вливался в хор. Она никогда не уловит уже готовую, преподносимую ей мелодию. Всегда сама сочинит ее, и голос ее будет звучать фальшиво в любом коллективном исполнении*".

Литературные премии

Премия Рупина (1956)
Премия Усышкина (1962)
Премии главы правительства имени Леви Эшкола (1969, 1983)
Премия Союза журналистов (1971)
Премия Ньюмена (2005)

О создании трилогии

Трилогия рассказывает о бурном начале жизненного пути Наоми Френкель на фоне судьбы еврейского народа в диаспоре и в Израиле.

Описываемые исторические, общественные, военные события, а также душевные состояния того или иного образа раскрывают субъективное отношение ко всему Наоми Френкель. Автор не собирается углубляться в общие темы той исторической эпохи, достаточно исчерпывающе освещенные и прокомментированные в специальной литературе.

У Наоми и Израиля были весьма сложные и противоречивые характеры. И потому, по ее совету, я бы даже сказала, по ее настойчивой просьбе, я посчитала возможным привести в этой книге значительную часть их переписки и даже фрагменты их дневников. Благодаря этому, читатель сможет заглянуть в их внутренний мир и, согласно собственному пониманию, представить себе черты их характеров, раскрыть сущность их устремлений.

В их переписке есть дополнительная ценность: аутентичные свидетельства их жизни, ее сильной любви к Израилю, ее тяжкие переживания во время работы над трилогией, ее отношения с теми, кто ее окружал, развитие ее как общественной деятельницы.

Неотделимой частью этих писем является описание доминантных настроений в израильском обществе тех лет. Она возвращается к постоянным и типичным проблемам жизни кибуца, отношениям между товарищами, различным точкам зрения на реалии киббуцной и городской жизни. В эту переписку проникают размышления об исторических событиях, происходивших в стране и мире, анализируемые двумя израильскими интеллигентами.

Любовные письма приводятся полностью, за исключением случаев, когда эти корреспонденты считали нужным сократить слишком детализированное описание, чтобы облегчить чтение. По просьбе Наоми, частое употребление понятия "ностальгия" сокращено, за исключением случаев, когда они специфически относятся к этому понятию. Сокращение отдельной согласной или целого слова дополняется адресатом в скобках.

Подробно описаны периоды жизни, способствующие становлению ее личности, или повлиявшие на ее мировоззрение. Исторические события или душевные состояния, облеченные в литературную форму в ее произведениях, особо выделены. В последние годы Наоми призналась мне, что всю жизнь несла в душе тоску по матери, которую потеряла в пятилетнем возрасте. Всю жизнь она пыталась проникнуть в характер и поступки матери. Она неустанно выпытывала у старшей сестры главное, что ее интересовало: как мать, дочь польских глубоко религиозных евреев, боролась с ассимиляцией в Германии. Вообще, смерть матери, сиротство, сильно повлияли на ее развитие и подробно описаны в ее книгах, в частности, в трилогии "Саул и Иоанна", в романах "Баркаи" и "Расставание". Эта тема доминировала и в ее жизни, и в творчестве.

События, которые подробно освещены – прямо или косвенно – в ее книгах, выделены мной по ее просьбе.

В течение последних девяти лет Наоми и я, как говорится, просеяли зерна правды в ее книгах. Проследили аутентичные образы героев, вылепленные ею черты, внешний облик, характерные движения, походку членов семьи: деда Иакова, отца Артура, братьев ее, сестер и близких. И все это – по описаниям в трилогии "Саул и Иоанна". Она передала мне также внешние и внутренние характеристики остальных образов. Диалоги в этой книге выписаны такими, какими дошли до слуха Наоми или рассказаны были ей старшей сестрой Лотшин.

Описания детства также основаны, главным образом, на воспоминаниях Лотшин (Шарлоты) Френкель – Швелве и самой Наоми. Все годы жизни сестра испытывала тоску по отчему дому. В своих бесчисленных беседах о прошлом, Лотшин не скрывала от младшей сестры тот

кошмар, который заполнил дом с ее рождением, и как эти события повлияли на удивительные отношения между матерью и отцом.

В дополнение к фрагментам детства приложены письма Наоми к старшей сестре и первый, написанный Наоми рассказ.

Дневники, тетради, стихи и лекции, которые она прочла на двадцатипятилетие с момента создания организации молодежной репатриации (Алият Аноар), рисуют картину периода ее взросления.

Годы с Израилем Розенцвейгом задокументированы в обширной переписке, в сочиненных стихах и в устных ее рассказах.

Отношения ее с тремя дочерьми были трагичны. Об этом конфликте я уже писала.

Обзор тридцати последних лет ее жизни основан на интервью с ней, переписке, статьях и беседах с ее супругом в этот период, журналистом Меиром Бен-Гуром. Наоми заупрямилась и настояла на том, чтобы я жила в ее доме не менее трех дней в неделю, чтобы войти в ее ближайшее окружение и понять взаимоотношения с теми, с которыми она соприкасается в каждодневной жизни.

Следует отметить, что все, что написано о Меире Бен-Гуре, он сообщил мне сам в 2001–2003 годах. Все интимные детали его жизни и взаимоотношений с Наоми, которые есть в этой книге, переданы мне устно Меиром и Наоми.

Для усиления подлинности в трилогию введены размышления и сентенции героев книг Наоми Френкель, а также ее самой. К примеру, образ министра юстиции Пинхаса Розена:

"Есть в нем какое-то особое спокойствие, чистота, ясность, неколебимая порядочность и стойкая уверенность в себе, и даже нечто от педантичного порядка полотен голландских художников" ("Саул и Иоанна" Том второй, стр.217).

О себе – в образах героев ее книг

"Она пела свою песню, и мелодия была ее собственной, не заемной. Голос ее действительно не вливался в хор. Она никогда не уловит уже готовую, преподносимую ей мелодию. Всегда сама сочинит ее, и голос ее будет звучать фальшиво в любом коллективном исполнении" ("Саул и Иоанна", Том третий, стр.124).

"Боже мой, еще хоть один раз будь со мной правдив. Дай мне хотя бы горстку счастья в жизни. Ужасно печальны дни мои. Дай мне хотя бы еще один раз ощутить счастье ушедших дней, когда усталое тело напрягается, освежаясь в душе, и ночи опьяняют неземной легкостью и усталостью" ("Ваш дядя и друг Соломон", стр. 126).

"Бог мой, злой мой бог, почему с такой холодной отчужденностью ведет себя мир…" ("Ваш дядя и друг Соломон", стр. 194).

"Есть ли голос молчания без человека? Это – молчание, которое говорит всегда с тобой твоим голосом, эхом, катящимся с дальних горизонтов. Тяжело мне выдержать шум безмолвия" ("Ваш дядя и друг Соломон", стр.210).

"Никогда ты не прыгнешь в новую и другую жизнь, не уплывешь на штормовых волнах, а будешь вечно двигаться по замкнутому кругу" ("Дикий цветок", стр.54).

"Никакой человек, никакое событие вообще ничто не касается ее. Она равнодушна ко всему, что происходит вокруг. Не ранят ее никакие чувства, никакие угрозы и обвинения" ("Дикий цветок", стр.52).

"Почему ты не дал ему еще немного счастья в твоем мире. Только самую ее горстку на ладони…" ("Дикий цветок", стр.254).

"Все ощущения, и размышления, и чувства сплели в его душе плотную ткань, которую невозможно разорвать" ("Расставание", стр. 77).

"Сила, горячность и слабость связаны у него в жесткий узел (там же).

"И глаза его въедаются в нее, словно проникли через живой его дом" ("Расставание", стр.186).

"С детства происходили с ней колдовские вещи, такие, что она не знала, спит или бодрствует, что реально и что воображаемо".
("Расставание", стр.383).

Об изгнанниках из Испании

"Странствующие иудеи уже не видели дерева, чья вершина щедро давала тень для отдыха. Не видели, что пустое поле приглашало к привалу. Не видели колодца, чистые воды которого были открыты любому жаждущему горлу. У иудеев были глаза без взгляда, и нос без осязания запаха, и губы без речи. Глотка уже не просила омочить ее сухость. Они больше не ощущали боли. Лишь душа чувствовала стыд и унижение. Все остальные чувства покрыли тело как белые погребальные одежды, чтоб в них умереть" ("Баркаи", стр. 25).

* * *

В завершение я хочу подчеркнуть что все, написанное мной в биографической книге о Наоми Френкель, сообщено и подтверждено ею. Я не дала себе ни малейшей свободы интерпретировать события ее жизни или высказать свое личное мнение по той или иной теме.

В последних главах я привожу диалоги, что были записаны со слов Наоми и ею подтверждены. Уважая ее право на частную жизнь, я иногда опускала важные детали, могущие прояснить позиции Наоми по чувствительным вопросам и ее реакцию на те или иные события. Я надеюсь, что опираясь на подлинные материалы в книге, читатель взвесит все, что я собрала, чтобы составить себе полную картину об этой удивительной женщине и писательнице.

Моя благодарность

Трилогия писалась более десяти лет, и сопровождали эту работу многие личные истории, а также материалы, связанные с описываемыми событиями. Теперь же, с завершением трилогии, я хочу отблагодарить Ганса Арнольда Лус (Hans Arnold Loos) за то, что он помог мне собрать сведения о людях и местах в Германии 20-х и 30-х годов XX века. Моя благодарность Зиги Коэну, который послал мне материалы из городского архива Пренслау, моей подруге, психологу доктору Адриане Фельдман, чье мнение о характерах главных героев оказалось для меня весьма и весьма важным. Благодарю членов организации "Ашомер Ацаир" (Молодой страж), которые откровенно делились со мной сведениями о положительных и отрицательных сторонах их своеобразной жизни, а также библиотекарей и коллектив компьютерщиков колледжа "Бейт Берл", помогавших мне в поисках необходимой информации.

Я благодарю тех, кто ознакомился с рукописью трилогии до публикации. В первую очередь – прозаика, поэта и переводчика Эфраима Бауха, который читал главы и, как специалист в своей области, поддерживал меня в необходимости продолжать, не колеблясь и не подвергая сомнению эту семейную сагу Наоми Френкель. Особенно ценным для меня был его совет – не избегать самых сложных и чувствительных ситуаций, не говоря уже об истинной ценности создания общей психологической и философской картины германского общества двадцатых годов двадцатого века.

Благодарю Нойю Хореш, которая прочла книгу в ее первоначальном варианте и дала мне ценные указания по поводу важных деталей, требовавших уточнения, Аарону Калас – Атран и Ширли Шлаф.

Благодарность моя – сыну Йони и моим студентам, которым и посвящено с любовью это произведение. В период написания, который характерен краткостью стиля и концентрацией информации, я получила большую поддержку по поводу описания исторических фактов от известных специалистов, которым я представила собранные мной материалы.

Я благодарю Ронит Левиатан за редактирование и бережное отношение к стилю написания трилогии.

В заключение моя благодарность другу, дорогому для меня человеку, профессору Даниэлю Сивану, за его вклад в формирование и корректирование трилогии и особенно за то, что он сопровождал меня на академическом поприще, как учитель и соучастник в исследовательских работах.

Глава первая

Артур заглянул в колыбель ребенка на второй день после его рождения, и в глазах его потемнело. Из густых черных, как уголь, волос торчал огромный нарост. Он рос вверх, с правой стороны головы, и был ужасен в своей асимметричности. Артур закрыл глаза, и страх прокрался в его сердце: не поражены ли у ребенка умственные способности, как у Бианки, сестры его жены. Он снова заглянул в колыбель, и у него прервалось дыхание. Большие черные глаза существа, казалось, лишенного человеческого облика, заставили дрожать его подбородок. Пятерых детей, сыновей и дочерей, целых и невредимых, светлоглазых и светловолосых, родила ему красавица жена. И вот, увидел свет их шестой ребенок. И этот ребенок принес ему такие страдания и боль.

"На этот раз родилась у нас черноволосая девочка", – сказал подошедший дед, а его серые его глаза беспокойно метались между лицом жены Артура и черной бархатной копной волос на мягкой приподнятой подушке. Марта уже предчувствовала недоброе. Артур появился перед ней в красивом, с иголочки, отглаженном и вычищенном костюме, но голос его и движения не были похожи на те, вчерашние и позавчерашние. Не прикоснулся, как обычно, ладонью к своему лбу, приглаживая шевелюру. Из-за ребенка? Сердце ее, кажется, выскакивает из груди. Где ее пятеро детей? Почему дети не пришли поздравить и поцеловать, как это было после рождения каждого из них? Да и глаза у Артура какие-то ревниво подозрительные.

Марта на себя не похожа. Обычно веселый и теплый взгляд ее черных глаз в одно мгновение померк.

Каждый раз, когда она видит этот страшный нарост, величиной почти с головку ребенка, ее пронизывают стрелы боли. Марта закрывается в своей комнате. Наказание с неба! Бог ее наказывает! Большие, не меньше, чем у нее, черные глаза ребенка преследуют ее, как бич преследует животное.

Марта была восемнадцатилетней глубоко религиозной девушкой и носила еврейское имя Малка в те дни, когда в сердце ее родилась любовь к офицеру-еврею армии германского кайзера. Артур и Малка встретились на одной из замусоренных улочек Кротошина, маленького польского местечка в провинции Познань, которое было присоединено к Германии в царствование Фридриха Великого. Стадо гусей вытянуло к ней шеи, грозя своими клювами, и Артур спас красавицу. Девушка коротко и корректно поблагодарила офицера и, повернувшись к нему спиной, медленно удалилась, ее косы исчезли на горизонте. Артур не мог успокоиться. Два-три дня обходил он все уголки узких улочек местечка, между вольно гуляющими курами, свиньями, валяющимися в грязи, приземистыми маленькими домиками, окна которых были настолько низки, что через них можно было войти в комнаты. В один из дней он увидел ее, нагнувшейся над ведром, выжимающей тряпку. Ноги ее были почти обнажены, рукава рубахи закатаны. Он стоял и, не отрываясь, смотрел, как она моет полы, и страсть охватила его.

"Ты шейгец, безбожник, ты хуже гоя!" – низенький и щуплый отец девушки не мог принять светловолосого офицера-берлинца, который стоял в их домике, выпрямив спину и прося руки старшей дочери. Отец девушки с трудом зарабатывал продажей старых, вышедших из моды, тканей. Он и его жена, выходцы из бедных, почти нищих польских глубоко религиозных, ревностно соблюдающих заповеди, евреев, не готовы были отдать дочь берлинскому безбожнику. Красивый и статный буржуа их вовсе не пленил. Но его нескрываемая страсть отозвалась страстью в сердце дочери. Марта пошла вслед зову сердца и опозорила их религиозный дом. Ночью вышла в сад у дома, встретить спрятавшегося в кустах молодца, и вместе с ним села в поезд, идущий в Берлин. Младшую свою сестру Бианку, страдающую умственной отсталостью, она взяла с собой, ибо та всегда находилась под ее присмотром.

Марта совершила шаг, после которого нельзя было вернуться. Отец и мать прокляли ее и сидели семь дней в трауре – так положено по еврейской традиции поминать умершего родственника. Но они оплакивали дочь, предавшую их и ушедшую к идолопоклонникам.

Артур за дезертирство из армии отсидел всего лишь два дня под арестом, благодаря хорошим связям его отца-промышленника, который был знаком с высокопоставленными армейскими чинами.

Окруженные свидетелями и членами семьи жениха, стояли Артур и Марта под свадебным балдахином в здании муниципалитета Берлина. Отец Артура, Яков Френкель, предоставил роскошный берлинский дом в распоряжение молодых. Он передал сыну руководство металлургической фабрикой по выплавке железа и стали. Она находилась в Померании, в западной Пруссии, в усадьбе, в небольшом городке Пренслау, окруженном густыми лесами.

"В моей усадьбе ты сможешь отдохнуть от цивилизации, которую тебе навязал мой сын", – обещал Яков своей красавице невестке, ибо чувствовал давящую на нее тяжесть большого города. И он был прав. Дочь местечка, Марта любила отдыхать в Пренслау. Довольно быстро некогда религиозная девушка привыкла даже к свинарнику.

Она расцвела в поместье, где большую часть года проживал дед – отец Артура и с ним Агата, ведущая домашнее хозяйство, и лысый Руди, ответственный за всю живность.

Началась Мировая война. Перед тем, как вновь идти в армию, Артур увез семью из столицы и поселил в Пренслау. Дед вновь взял в свои руки ведение делами фабрики и вернулся в свой аристократический берлинский дом.

Марта выросла в маленьком пограничном местечке, наполовину населенном поляками, наполовину немцами. Она была воспитана в полном соответствии с религиозными традициями иудаизма. И вот она приняла образ жизни ассимилировавшейся и обуржуазившейся части германского еврейства. Дети ее ничего не знали о шестистах тринадцати заповедях, регулирующих поведение каждого еврея, не пели священные песнопения о Сионе и не мечтали о Машиахе сыне Давида, который придет в наши дни. Они не имели понятия о Царице-субботе, о молитвах и благословении в праздники Израиля. Дети праздновали Рождество, как народное гуляние, и украшали красивыми игрушками и сверкающими лампочками елку в гостиной. А о традициях праотцев им рассказывали так, как рассказывают детские сказки, чтобы это не вступало в противоречие с либеральным мировоззрением родителей. В праздник Хануки Марта говорила: "У нас, в Кротошине, обычно в этот день зажигали свечи и ели оладьи". А на праздник Песах она рассказывала о пасхальном ужине.

Артур был уверен, что его любовь и забота помогут жене отказаться от усвоенных ею в детстве традиций, и она постепенно забудет о самом существовании своих родителей. Тем более что на открытки и письма, сообщающие о рождении их внуков и внучек, они не откликнулись ни словом. Он был не намерен поступиться своими жизненными правилами и принципами во имя чуждых ему обычаев, противоречащих его культурному миру и чистоте немецкого языка.

Но в годы войны в дом Марты начали понемногу проникать традиции богобоязненного родительского дома. Тайком от детских глаз, она начала зажигать субботние свечи и произносить над ними благословения. Вернулась к рыбным блюдам, словно замаливая грех оттого, что ела курицу со сливочным маслом, или квасное в Песах.

Обращалась к Высшему Милосердию с мольбой хранить жизнь мужа на фронте под Верденом, Псалмы Давида, посещала синагогу и соблюдала пост в Судный день. Вместе с детьми и сестрой она стала посещать скромный дом раввина в Штетине, привозя с собой кошерные блюда. Детям, изумленным незнакомым языком из ее уст, объяснила: "Это польский язык". Но ни слова не произносила на идише и по этой же причине не приглашала к себе домой раввина и его жену. Война закончилась. Прекрасные черные глаза Марты все пристальнее вглядываются в окружающий мир, отныне разделенный надвое, как и ее душа. Теперь она ревностно оберегает

внутреннюю самостоятельность и духовность, приобретенные в годы войны. Поблек, все еще яркий, но теперь отталкивающий мир мужа. Высокая германская культура не очаровывает ее, как раньше. Ее душевное богатство – в чуждых ему краях, и между супругами возникла скрытая борьба. Артур вспоминает веселую девушку, которая вся светилась, когда он ввел ее в мир театра, опер и концертов, учил танцевать вальс, играть на фортепьяно. На музыкальных вечерах в их обширном доме она пела, музицировала и танцевала, очаровывая уважаемых гостей красотой и обходительностью. Как истинная аристократка от рождения, она вела жизнь, соответствующую его понятиям. Согласно его желанию, детьми занимались воспитатели, отдаляя их от жизни родителей.

Закончилась война. Марта изменилась. Артур мечтал вернуть ее, прежнюю, но и он стал другим.

Из храброго, обладавшего железной волей командира, не терявшего мужества в окопах под Верденом и в самых тяжелых ситуациях, он вернулся, как бы потеряв цельность. В кровавых сражениях нашли смерть, были ранены физически или душевно миллионы юношей. Артур был тяжко ранен во время газовой атаки. Он лишился одного легкого, другое действовало лишь наполовину. До последнего своего дня он будет оплачивать душой и телом высокую цену иллюзий миллионов таких же, как он, воинственных европейских юношей.

В предвоенные дни молодежь его поколения окопалось в своем высокомерном мировоззрении и невероятной наивности. Даже те, кто отличался мудростью и придерживался реалистического, рационального взгляда, пошли по ложному пути, на который их призывали кайзеры Германии и Австрии Вильгельм Второй и Франц-Йозеф. В патриотическом дурмане и детской наивности ввязались питомцы романтической эпохи в дикую мужскую авантюру, после ста лет мира и относительной безопасности народов Европы. Разруха и гибель воцарились в мире.

Артур вернулся в Пренслау после длительного лечения в швейцарском Давосе с твердым решением: шрамы, оставленные на нем ужасами войны, не будут управлять его жизнью. Он вернулся к жене и пятерым детям, которых она воспитывала умными и здоровыми. Но окончательный итог этих лет настиг его, как и его друзей и близких, ассимилированных евреев и христиан. Интеллектуальная часть общества восстанавливает и без конца анализирует предвоенный период и приходит к далеко идущим выводам.

В период милитаристского угара и всеобщей наивности голоса противников большой войны утонули в шумной истерии. Высшие чины армии – главным образом, аристократы и образованные буржуа – не сомневались в мудрости и честности обоих кайзеров, которые призывали выйти на тропу войны. При поддержке политиков и представителей высшего света, Европу пронизали ветры милитаризма. Еврейству Германии выпала редкая возможность доказать тотальную верность родине, относящейся одинаково ко всем своим гражданам. И тогда, когда национализм поднял голову в исторических и философских выступлениях известных ученых, публицистов, политиков, еврейские интеллектуалы германского подданства, придерживающиеся ранее гуманистического мировоззрения, превратились в милитаристов и конформистов. Гуманитарии выразили полную моральную поддержку войне, чтобы только, не приведи Бог, не выглядеть ее противниками, более того, борцами за мир.

Артур вернулся с войны, но отзвуки ее продолжали жить в его душе, теле, разуме. Миллионы европейцев пребывали в полнейшем шоке при виде разрухи и гибельных последствий, обрушившихся на их головы после войны. Австрийцы, немцы, французы, англичане и другие торопились отряхнуться от ужасов прошедшего и войти в новый мир. Двадцатое столетие уверенно и страстно рвалось в неизвестное. В новой нелегкой реальности рухнула и рассыпалась такая, казалось бы, правильная и простая мысль, что наступает эра разума и прогресса, которые сотрут из жизни человечества революции, войны, преступность, насилие и голод. Чудеса науки и технологии ускорят подъем нравственности и приведут к всеобщему процветанию.

Высшие человеческие ценности овладеют миром людей и водворят в нем покой и умиротворение. Уверенность тех, кто родился в романтическом духе девятнадцатого века, растворилась в прошлом, как будто никогда и не существовала. Их агрессивные устремления, которые казались им истинным ключом к грядущему, не выдержали испытания временем. На страницах истории человечества события тех дней будут отмечены, как глупость, если не преступление.

…После окончания войны и выздоровления Артур полагал, что вернется к прежней жизни, в объятия любимой женщины.

Ноябрь 1918. Родился ребенок-урод. Покой и умиротворение улетучились из жизни Артура. Он мечется от врача к врачу. В доме неспокойно.

"Это ребенок, которого я родила, – надтреснутый ее голос врывается в комнаты и коридоры дома, – и я буду растить его таким, какой он есть".

Из дома уходит покой. Марта несчастна. Впервые дед не на ее стороне. Он и Артур одного мнения: в доме не будут терпеть это существо. Дед, внушительный мужчина, выпрямляется во весь свой высокий рост. Тщательно одетый, он берет свою богато инкрустированную трость и сопровождает сына в поездке из Померании в Берлин. Не жалея времени и сил, они посещают одного за другим лучших специалистов по опухолям в Германии и за ее пределами. Дед изменяет своим привычкам. Он никогда не вел себя, как отец и дед, но теперь бросает свои дела и отказывается от привычных развлечений во имя упорядочения жизни сына и невестки.

«Ой, ну, просто с души воротит!» – малыш, шатен Лоц крутится по дому, скривив лицо. Артур по наказу врача привел всех детей в комнату матери, чтобы поздравить ее и показать им маленькую сестренку. Был крик: "У нас родилось черное чудовище". Лотшин, которой скоро исполнится десять лет, закрывает лицо ладонями. Весьма чувствительна эта отличница, добрая душой, гордость родителей. У нее нежное лицо, голубые, мягко светящиеся мечтательные глаза. Две толстые косы светлых волос скользят по плечам. Тело, как у фарфоровой куклы, кожа, как бархат. Все задерживают на ней взгляд, как на идеале красоты.

"Родилась у нас сестра, и у нее большой нарост, во-о-т такой", – дети прикладывают кулак к своим головам, прокрадываются в комнату ребенка, рассматривают, как некую диковинку, несмотря на запрет матери. Маленький Лоц удивляется старшим братьям, которые похваляются младенцем, словно это какое-то редкое сокровище. Фрида, воспитательница и няня детей предупреждает: "Будете так себя вести, на ваших головах тоже вырастут уродливые наросты".

Фрида – женщина с добрым характером. Когда Артуру исполнилось десять лет, дед Яков привез ее, восемнадцатилетнюю девушку, из деревни в Берлин. Фрида без конца кочует из большого берлинского дома – в Пренслау, ибо Марта не хочет возвращаться в одичавший Берлин. Столица охвачена голодом, воровством, грабежами и убийствами.

После окончания войны еврейские семьи из ее родного Кротошина переехали в соседний город Штетин. И ее семья купила квартиру на имя ее брата Соломона и сестры Бианки. Но радость Марты еще больше, когда подруга ее детства из Кротошина приобретает квартиру по соседству.

Шошана и Марта душевные подруги. Дети их подружились. Семья Коэн радушно открывает перед ними свой дом, но не наоборот. Артур не будет терпеть вблизи себя некультурных обитателей местечка. Не нравится ему, что Руфь и Эльза, его кудрявые и интеллигентные дочери, проводят время с дочерьми соседей, которые вообще не учатся. В этом причина того, что заработок выпускника гимназии равен заработку домашнего учителя его дочерей – Фердинанда. Способность к искусству этого прусака Артур оценил еще в Давосе. Дело в том, что Фердинанд ухаживал за Артуром во время лечения. Фердинанд, христианский юноша, светловолосый и светлоглазый, стоял у постели Артура, усталый и измотанный, и декламировал стихи Гёте, Рильке, Гейне. Фердинанд играет на фортепьяно, на мандолине, пишет стихи и сочиняет к ним музыку. Он мечтает собрать деньги на учебу в институте искусств, в Берлине.

Черноволосый детеныш лежит в колыбели. Дети разносят сочиненные ими байки, связывая это чудище с Германом Ханманом, психопатом и убийцей, который свободно разгуливает по Берлину и его окрестностям, сея страх. "Ночью Ханман приблизился к колыбели, увидел нарост, дико испугался, в страхе ударил кулаком ребенка и в панике убежал". Дети заглядывают в колыбель и тоже убегают. Только Лотшин подолгу сидит около младенца. Надела ему на голову ожерелье из цветных гладких камней и просто прикована к глубокому и сосредоточенному взгляду ребенка, который что-то возбужденно лопочет. Всего-то девочке два месяца от рождения. "Если бы только я могла прочесть ее мысли", – думает Лотшин, глядя на мимику и напряженные движения малышки, и тут же сжимается, слыша всхлипывания матери, доходящие до ее слуха из соседней комнаты. Отец расхаживает из угла в угол, и голос его холоден и жёсток.

"Без операции вырастет чудовищем! Что за жизнь будет у нее? Лучше, чтобы она умерла!"

Специалисты по опухолям в один голос говорят: опухоль доброкачественная. Жизни девочки не грозит опасность. Когда ей исполнится полгода, опухоль можно будет убрать. Только вот кожа с правой щеки, которая будет взята для покрытия раны, приподнимет левый глаз. Отец нервничает.

Мать, содрогаясь от отчаяния, твердит: " Отрастим ей волосы и прикроем опухоль". Она неустанно твердит отцу: “Так сотворил ее Бог".

Лотшин съеживается у колыбели.

Дед закручивает и закручивает усы, ударяет о пол инкрустированной тростью и говорит решительным голосом: "В моей семье не будут растить урода".

Отец настаивает: "Если проблема не будет решена, лучше ей умереть".

Мать ни на шаг не хочет отступить от того, что говорит ей сердце. Мужчины по-прежнему против нее.

Лотшин изумлена. Непонятно ей, что случилось с отцом? Всегда лелеял мать, носил на руках, покупал ей дорогие платья и драгоценности, увозил от детей в самые экзотические места отдыха, на лечебные источники, путешествовал с ней по дальним странам. Что случилось с родителями? Почему они все время бранятся?

В доме напряженная нервная тишина. Мать отвесила пощечину Лоцу, и поделом: плюнул в колыбель. Малыш сбежал от нее. Лотшин, добрая душа, ей так и не удалось убедить маленького брата, что новая его сестренка не просто кусок мяса. У нее есть душа, как у любого человека. Злые шепотки гуляют по дому. Противоречия между отцом, берлинским нуворишем, и матерью, так и оставшейся дочерью многодетной бедной семьи, каждый день взрываются скандалом. Артур, хорошо сложенный блондин, воспитанный на принципах красоты и западноевропейской эстетики, сдерживая бушующие в нем чувства, еще и еще раз обращается к матери: "Лучше младенцу умереть".

Марта шокирована. Артур замыкается в себе. Перед ним встает лицо покойной матери, каким оно было, когда она увидела девушку, привезенную из Кротошина в Берлин. Мать не говорила ничего плохого и ничего хорошего о черноволосой сельчанке, пришедшей в их роскошный дом без родителей и без приданого. Она глядела горящими черными глазами на невестку, и сердце ее вздрагивало каждый раз, когда она слышала ее, почти бесшумные, шаги по дому.

Не таков был дед. Высокий, худой, гибкий, он подмигивал невестке и всем своим видом показывал ей: мы одной крови. Ее неспокойный свободолюбивый дух был ему сродни. Ведь и он, восемнадцатилетним, сбежал от жестких правил отчего дома, чтобы жить по своему усмотрению.

Дед Яков любил рассказывать о своем прошлом. Парню из буржуазной семьи, закончившему гимназию, надоел домашний диктат, и он ушел по зову сердца. Сверкая огненно

рыжим чубом, он весьма настойчиво ухаживал за девушками из хороших семей, пансионерками закрытого пансиона благородных девиц. Когда девицы выходили из пансиона в сопровождении воспитательницы, он пристально следил за ними. И в один из дней ему улыбнулось счастье. Комплименты и подмигивания симпатичного парня с цветком в петлице и тростью проложили путь к сердцу ученицы, которая на этот раз вышла без присмотра бонны.

Она ответила на его ухаживания, и вскоре молодые люди пересекли границу Пруссии. Она уехали на поезде в одно из южных княжеств Германии. Случилось то, что случилось, и за занавесками узкого купе девица упала, как созревший плод, в таинственный мир любви – мир, который раскрыл перед ней рыжий молодец.

Своим веселым нравом он пленил жителей родного городка своей возлюбленной. Но когда уже начали названивать колокола будущей свадьбы, он поблагодарил всех за хороший прием и направился восвояси своей дорогой

Но перед тем он решил сыграть шутку. Положил свежие яйца на свои рыжие кудри и прикрыл их черным цилиндром. В ту пору существовал железный закон, запрещавший перевозить сельскохозяйственную продукцию из княжества в княжество. Но дед продолжал умничать и на границе с Пруссией весело подмигнул пограничнику. Тот ответил ему ударом кулака по цилиндру, и яйца растеклись по его веснушчатому лицу.

В семейной гостиной в Силезии разгорелись страсти.

Родители девушки, люди уважаемые, встали на защиту ее чести. Но молодой Яков и слушать не желал о свадьбе. Удивленно возвел очи к небу и поклялся, что не согрешил по отношению к ней. Всего лишь гулял с нею в лесу. А в купе поезда, за ширмой, он всего лишь убедился, что она гораздо красивей, чем за окнами пансиона. Родители не успокаивались, и тогда он, непокорный сын, собрал вещи и исчез, скрывшись не только от предложения женитьбы, но и от отцовского наследства – управления текстильной фабрикой.

Дед вспоминал о днях революции, которую подняли революционеры-либералы в 1848, и лицо его бледнело: "Я стеснялся отца, уважаемого господина, который не защищался, когда на фабрике начался бунт". Дед прочищает горло, откашливаясь: "При свете дня отец стоял в темной комнате с опущенными жалюзи и дрожал от страха, когда бунтовщики подожгли кипы тканей, подготовленных к просушке после окраски". Дед поднимает голову, и нотки гордости слышатся в его голосе: "А я, совсем ребенок, встал на сторону рабочих!" Это историческое событие было весьма поучительным в жизни мальчика.

Дед смолоду пошел за своей мечтой, а не по стопам предков, занимавшихся текстильным делом. Он кочевал от гильдии к гильдии, чтобы приобрести рабочие специальности. Работал наездником, кузнецом, строителем, маляром, плотником. В конце концов, он все услышал угрозы отца отказать ему в наследстве, если он не вернется в семью, и встретился с девушкой из добропорядочной богатой семьи, которую отец ему нашел.

"Гейнц, учись у меня набираться опыта, – говорит дед внуку, – так я переходил из гильдии в гильдию, и от одной девушки к другой. В конце концов, нашли мне жену, кислую, как лимон".

Дед вовсе не был в восторге от дочери профессора анатомии из Карлсруэ. Она рано потеряла мать и воспитывалась в престижном женском пансионе в Швейцарии – с шести лет и до получения аттестата зрелости. Вела она себя очень изысканно. Выглядела элегантно, расхаживала по дому в строгих платьях. Лицо ее было всегда замкнуто.

"Погоди, погоди, в первую ночь кричи – Господи, что на небеси", – дед смеется, закручивает усы, а в ушах у его звенят слова тети Гермины. Он вспоминает переживания свадебного дня – огромная спальня, полная шкафов, тумбочек, широкая двуспальная кровать с балдахином голубого цвета. Дочь профессора скользнула в супружескую кровать в ночной шелковой рубахе, в складках, и с вышитыми широкими рукавами.

Жених весьма сухо наблюдал за женой, спрятавшей свои длинные волосы под белый кружевной чепец – вся из себя такая аристократичная. Ее строгое воспитание, искоренявшее желания и страсти естества, было явно ему не по душе.

Уже на следующее утро дед покинул свою жену, и весь воспламененный, ощущая чуть ли не всеми своим костями, что великий час его настал, умчался в столицу. Это было время, когда канцлер Отто фон Бисмарк привел европейскую модернизацию к вратам Германии. "Кровь и железо!" – провозгласил канцлер, объединив все германские княжества в единую сильную империю, превратив аграрную Германию в промышленное и экономически сильное государство. "Кровь и железо!"

Откликнувшись на этот призыв, энергичные и инициативные люди спешили вложить капиталы в развитие промышленности. Дед купил у обанкротившегося еврея Морица Гольца фабрику и солидный участок земли рядом с железнодорожной станцией при въезде в Берлин. Он привел инженеров, строителей и рабочих и основал фабрику по обработке металлов и литью. Свою империю он обнес оградой и поставил на входе внушительные ворота. Семья его также внесла свою долю капитала в эти проекты и не разочаровалась.

Дед не погрузился в бумаги, замкнувшись в богато обставленной конторе.

Все время находясь в движении, он строго следил за поездами, привозящими сырье из шахт, пробираясь между горами кокса и доменными печами.

Он царствовал в своей огненной империи. Его можно было застать в пылающем литейном цехе, прислушивающимся к шипению расплавленного железа, вытекающего из печей и выбрасывающего тяжелые брызги в воздух. Он сам следил за брусками железа, отливающегося в формы ванн, конфорок для плит и других изделий. На пороге двадцатого столетия его фабрика, сохраняющая имя "Мориц Гольц", стала одной из самых больших в стране по производству чугуна и стали.

Когда Германия стала вооружаться, дед начал выпускать патронташи, пули для ружей, что дало большой толчок к процветанию его бизнеса.

В дни, когда аристократия начала уступать свое имущество восходящей крупной буржуазии, дед, бизнесмен милостью Божьей, с вожделением начал приглядываться к богатым домам на площади Вайсензее.

Площадь была пустынной, уже без роскошных аристократических экипажей и коней, стучавших подковами. Потом появились автомобили. Купив большой дом у обедневших юнкеров, и отреставрировав его, дед перевез жену из Силезии в Берлин, родил двух сыновей и увидел себя свободным от супружеских обязанностей. Бабка замкнулась в одиночестве, не очень приятном ее сердцу.

Дом был упорядочен и велся согласно ее принципам. В роскошные апартаменты она привнесла свой дух и ум. Надев модные по сезону очки, она погружалась в чтение шедевров литературы, или наигрывала на фортепьяно произведения Бетховена и композиторов его круга. Портреты композиторов, поэтов, писателей, прорицателей будущего, взирали на нее с развешанных по стенам портретов.

Дед подмигивал Моцарту, Бетховену, Шуберту, Гёте, поклонницей которых была жена. Их серьезные лица облагораживали дом. Он приглядывался к гостьям супруги, сухим дамам с дорогими сумочками помпадур. За кофе они занимались рукоделием, вязали или вышивали, молча, выпрямив спины, сидя на краешках стульев, все в складках, пуговицах от подошвы до подбородка. Дед убегал от шуршащих платьев – колоколом от бедер до пят, от причесок с множеством шпилек, которые собирали вверх их длинные волосы и делали хмурыми их жеманные и ханжеские лица.

"Яков! Яков!" – гостиная возвращала деда к звукам детства. Его мать и тетушка Текла оставляли вязальные спицы и нитки, чтобы покопаться в кошельках, украшенных жемчугами,

извлечь оттуда флаконы с духами против дурных запахов, которые распространяли по гостиной детские одежды.

Темперамент деда не успокоился и после рождения детей. С закатом солнца, после поездок по делам, он возвращался домой, бросал взгляд на Альфреда и Артура, своих ухоженных сыновей, и цедил сквозь зубы: "Что это за дети: всегда аккуратные и вычищенные". С приходом вечера он облачался в элегантный серый или черный костюм, вставлял цветок в лацкан пиджака и направлялся к простым и естественным женщинам. Деда влекли развлечения большого города, но прежде чем в них погрузиться, он осведомлялся о правилах, которым учила детей жена, спрашивая их: "Альфред, Артур, от вашего деда не пахнет мертвечиной?!" Дух его восставал против этих правил, и он весело прохаживался по поводу тестя, профессора анатомии.

Бабка свысока взирала на поведение мужа. В душе она ощущала некое превосходство. Она, образованная и культурная женщина, семья ее занимается шелком, а не плебейским хлопком, как мужнина родня. Более того, один из ее родственников назначен консулом в Южной Америке. Бабка разгуливала по дому, как чужая, шаги ее были размерены и спокойны. В субботние вечера она молилась над свечами, в то время как дед, посадив на колени маленьких сыновей, рассказывал им всякие авантюрные истории. По утрам в субботу и воскресенье дед уходил из дома – скакать на лошади, плавать в реке или озере, развлекаться на цыганских ярмарках…

В послеобеденные часы он обычно наносил визит вежливости богатому дяде Аарону, торгующему коврами, или одному из его отпрысков – получить дельный совет. Каждый человек – специалист в своей области.

Альфред и Артур росли под влиянием консервативной матери. Но еще в детстве первенец Альфред сбежал от доменных печей семейной фабрики. В зрелые годы он похоронил себя в прошлом, изучая древние языки. Так он превратился в замкнутого и отчужденного профессора.

Артур же удивил отца. Сухость и холодность матери не повлияла на его дух, когда он влюбился с первого взгляда в экзотическую девушку. Более того, будучи офицером, он дезертировал из армии во имя любимой. Но когда женился и родились дети, сын вернулся к консерватизму своей матери.

Дед вслух удивляется: что нашла эта темпераментная девица в его тяжеловесном солидном сыне, столь строго придерживающемся принципов и железных правил этикета. Марта – из породы деда. Он хвастается тем, что ни одна немецкая девица не идет ни в какое сравнение с его невесткой, столь похожей на него. Дед относится к ней, словно это женщина его мечты. Одаряет ее дорогими подарками. Они вдвоем из одной лодки забрасывают удочки в озеро, оба смеются и шутят. Вдвоем они скачут на лошадях по полям Померании, по лесам Берлина и его окрестностей.

Дом их превращается в аптеку. Доктор Герман Цондек, знаменитый врач и в Европе и за океаном, направляет Артура к специалисту в Бреслау, пионеру нового способа удаления опухоли скатыванием кожи до ее корня. И нет нужды в коже со щеки для покрытия раны, что может исказить лицо оперируемого. Но в отличие от обычной, новая операция опасна для жизни из-за ее сложности. Марта испугана.

"Артур, ты хочешь убить ребенка?"

"Имя хирурга известно во всем мире".

"Никто не коснется ножом ее головки. Такой родилась, такой Всевышний, благословенно имя Его, хотел ее".

Артур идет на всякие уловки. Решительным голосом, столь не привычным для него, пытается привлечь отца на свою сторону.

"Да, нельзя, чтоб Марта знала", – поддерживает дед сына, поднимается с кресла, ударяет тростью по полу в поддержку своего решения. Дед взволнован будущим. Они с Артуром украдут ночью ребенка и поездом в полночь отправятся в судьбоносное путешествие, и будь что будет.

В клинике в Бреслау их ждет потрясение. Ребенок-монстр в руках врача-монстра! Голова маленького врача между высоко поднятыми плечами как бы воткнута в горб. Он с уважением обращается к пациентам и без долгих разговоров протягивает руки к ребенку, сосредоточенно ощупывает опухоль. Ноги Артура каменеют. Дед тоже замер. Они еще погружены в размышления, а больничная комната наполняется звуками радости, лопотанием и чем-то похожим на смех. Ребенок улыбается от прикосновения рук врача. Движения ручек и ножек энергичны.

"Глазки у нее очень умные", – говорит врач, проверяя координацию ребенка, купая его в ванночке. "Девочка реагирует невероятно живо. Здоровье у нее хорошее. И это увеличивает шанс, что операция пройдет удачно". Врач настроен решительно. Тельце ребенка напрягается, извивается в его руках.

"Если выживет, будет гением или идиотом", – осторожно добавляет врач. Артур видит стакан наполовину полным, его мнение решительно: "Лучше ей умереть, чем всю жизнь ходить в нечеловеческом обличье".

Жизнь в доме не вернулась в прежнее русло. К конфликту, который возник между Мартой и Артуром в связи с кражей ребенка, прибавляется новая драма. Врач и его жена, католики, душевно привязались к их темнокожему ребенку. Горбун рисует перед Артуром несколько неясную картину. Девочка, несомненно, умная, но отличается от всех. У нее не будет нормальной жизни. Никто не будет равнодушен к ее облику, и это может повредить ее развитию. Врач и его жена, которые буквально отдавали душу малышке, обращаются к Артуру с предложением. Он выслушивает его с явной благосклонностью и даже испытывает облегчение. Шесть раз беременела его любимая против его воли. Но он продолжает ее желать.

"Марта, у нас пятеро здоровых детей. Лучше ей воспитываться у специалиста", – обращается он, взывая к ее трезвому уму.

Марта дрожит всем телом:

"Я оставлю дом, если ты мне не вернешь девочку немедленно!" – голос ее пресекается.

Сенсация. Девочка Бертель указывает на белую повязку на своей голове, гордясь, что она только у нее, и занимает свое место в шумном и веселом доме. Семья возвращается в состояние покоя. С исчезновением большого шрама и снятием повязки с головки, опечалилось ее личико, словно она потеряла часть самой себя. Артур равнодушен к ее печали. Головка ее установилась симметрично на плечах, и черный шелк волос, выросших почти до ее плеч, прикрывает шрам. Его это успокаивает.

Хирург из Бреслау сказал, что она будет или гением или идиотом! Но девочка явно умна, и Артур вздыхает с облегчением. Ментальное и умственное ее развитие просто невероятно. Такого он не видел ни у одного из своих детей. Она надолго приникает к бархатным занавескам и что-то бормочет им. Если няня хочет ее оторвать от них, сопротивляется, словно в них ее живая душа. С невероятным упрямством борется с няней, чтобы та дала ей самой есть в столовой. Если что-то не по ней, она все переворачивает и крошит еду в тарелке, а на лице ее – победное выражение.

"Бертель – гений!" – цедит Артур для успокоения собственной совести: ведь он ставил на карту ее жизнь. Но операция оказалась успешной сверх ожиданий. И постепенно любовь возвращается к Артуру и Марте.

Осенью 1920 дом осветился рождением рыжего ребенка. Эрнест, седьмой ребенок, зацелован, переходит из объятия в объятие, вся семья поглаживает его рыжие кудри, невзирая на сдержанность, принятую в буржуазных домах. Ребенок ломает не только традиции, но и любую вещь, встречающуюся ему на пути, потому и дают ему кличку – Бумба.

Бертель смотрит на младшего братика с откровенной любовью, но и с испугом, словно все страдания Вселенной легли на ее плечи. Недостаточно того, что она оттиснута в сторону. Лоц, семейный красавчик, не забывает страшного нароста, собирает вокруг себя своих дружков и кричит ей вслед: "Вот, ребенок Хармана!" И вслед за ним вся его ватага начинает петь:

Ну, погоди, еще, вот-вот,
Убийца Ханман к нам идет.
Топор кровавый на весу
Тебя разрубит в колбасу.

Ватага подхватывает:

Не убежишь, еще, вот-вот,
Убийца Ханман к нам придет,
Топор нам даст, и на весу
Тебя разрубим в колбасу.

Бертель печальна. В доме не видят, насколько она несчастна. В ежедневной газете пишут, что психопат Ханман убивает юношей, но не является серийным убийцей младенцев. И все же Бертель в страхе: ведь Ханман гуляет на свободе, а в доме запрещено опускать ночью жалюзи, как в соседских домах, ибо больные легкие Артура нуждаются в свежем воздухе. Она всегда убегает в радужные сны, когда на нее нападает плохое настроение.

Вот, на днях семья вышла прогуляться по Берлину. Отец и мать шли рядом. Отец держал за руку Лотшин, мать – за руку Гейнца. Кудрявые Руфь и Эльза прилепились к ним сбоку, а бонна Фрида катила сзади коляску. Бертель с трудом передвигала ноги, отстав от всех и чувствуя, что никого из них вообще не интересует ее существование. Вдруг Бертель увидела себя парящей в воздухе. Вот она приземляется на вершину вулкана и вообще исчезает.

Бертель не дружит с окружающим миром. Почему, по требованию отца, она должна толкать по аллее коляску с куклой, как все девочки пригорода? Рейзель, внучку друга их семьи, директора школы, приставили следить за ней. Рейзель не может отвести глаз от красивой куклы Бертель, к которой сама она относится равнодушно. Кукла открывает и закрывает глаза и даже говорит. Рейзель в восторге от ее куклы. Ее же кукла безмолвна, как камень. Рейзель снимает шелковое воздушное одеяльце с куклы Бертель, гладит ее по щекам, приводит в порядок ее золотистые волосы, поет ей песенки, обращается к ней, щелкая языком, ибо "мама" Бертель молчит, как полено. Шагает себе и не разговаривает.

Бертель – книгочей. Не смотрит на кукол, на игрушки, игры. Но с Гюнтером, красивым и умненьким мальчиком, она готова не только читать, но и играть. Гюнтер, разодетый вовсю, шагает рядом с Бертель по улице. Она сложила руки на груди, как истинная госпожа, а Гюнтер толкает коляску с куклой. Он усаживается на скамью, и она садится рядом, выпрямляясь во весь свой маленький рост. Папа Гюнтер говорит маме Бертель, что следует вести беседу, и спрашивает:

"Что ты сегодня сварила?"

"Я приготовила тебе клопс и вермишель".

"Большую котлету и вермишель?" – Гюнтер недовольно качает головой, – а что с носками, ты их заштопала?"

"Нет".

"Почему?"

"Забыла".

"Ты плохая жена. Придем домой, я тебе покажу, что делают с такой плохой женой, как ты".

Маленькая женщина молчит. Муж Гюнтер сердится.

"Какие новости в твоей семье?"

"Дед купил что-то новое для своих гусей".

"Ага, твой дед? На что он тратит деньги?! Мой отец так себя не ведет".

"Ты унижаешь моего деда, и ты больше мне не товарищ".

"Значит, мы не поженимся".

"Нет, не поженимся".

Гюнтер и Бертель – друзья не разлей вода. Часами их головы склонены над книгами в библиотеке Артура. Гюнтер, интеллигентный еврейский мальчик, объясняет Бертель, что верно, а что нет. Говорит ей, чтобы она не верила в глупости о рождественском празднике, о богоматери, которая посылает с неба снега. Он худ, высок, шатен с большими карими глазами.

Брат его Клаус, по кличке Пумешен, невысокий, округлый, тоже умненький мальчик. Мать их умерла. Отец – директор банка в пригороде, внушительный мужчина. Гюнтер и Бертель учатся в одном классе, хотя он старше ее более чем на год. По рекомендации директора школы Бертель сидит на школьной скамье с начала года, а ведь в этом 1923 году ей еще не исполнилось и пяти лет. С тех пор, как домашний учитель Фердинанд научил ее складывать букву к букве, и слово к слову, она читает, пишет и рисует с большим воодушевлением. Сельские дети, учащиеся с ней в одном классе, смотрят с изумлением на этого маленького гения и все время спрашивают, что пишут в газете о психопате Ханмане. Бертель любит учиться в школе, и Гюнтер сопровождает ее, рука в руку, в класс. Каждое утро они вдвоем пересекают парк, а иногда их братья, Пумешен и Бумба, тянутся хвостом за ними.

"Я готовлю приданое", – говорил Артур другу. Но настал скорбный день, который нанес непоправимый удар Гюнтеру и его младшему брату. Легочное заболевание свело в могилу их отца, а через два года умерла мать. Согласно завещанию, дети перешли на воспитание в дорогой еврейский интернат для сирот в западном Берлине. Бертель очень скорбела по уходу Гюнтера, ее жениха и душевного друга.

Случилось что-то ужасное. Отец и дед, белые, как стена, стоят у постели матери, лежащей без сознания. Старшие дети, заледеневшие от ужаса, прижались к стенам ее комнаты. Фрида тянет маленькую Бертель в столовую, чтобы увести ее от больной матери. И, самое странное, тетя Бианка кормит маленького Бумбу. Никогда Бианка не сидела за семейным столом вместе со всеми. Всегда занималась готовкой и уборкой кухни, и мать кричала ей: "Бианка, иди, причешись, невозможно расхаживать в таком виде". Бертель не знает, что отец разрешал общаться с детьми ее слабоумной сестре, чтобы не нанести ущерб их воспитанию. Марта не спорила в этом вопросе с Артуром и вела себя по отношению к сестре явно не так, как ей этого хотелось. Но во время каникул Бианка жила во флигеле служанок, в конце большого дома.

"Фуй", – Бертель в столовой выплевывает незнакомую ей пищу – сосиски, и с удивлением рассматривает их в тарелке перед тетей.

Бумба же с большим аппетитом размалывает зубами мясо.

Дом в сумраке и трауре. В пятницу, когда начало смеркаться, Марта почувствовала головную боль и попросила любимую свою дочку Лотшин погулять с ней в саду – подышать свежим воздухом. В субботу, утром, врач вышел из комнаты больной явно шутливо настроенный: "У господина Френкеля много денег: из-за головной боли он вызывает врача". Спустя некоторое время после его ухода, Марта потеряла зрение.

В полдень душа покинула ее тело.

Дом погрузился в скорбь. Эпидемия менингита, желтого гриппа, бушевавшая в Германии после окончания войны, лишила жизни красавицу мать. Дед ее Кротовски из Кротошина примчался в Пренслау. В доме скандал. "Этого не будет! – кричит он, глубоко религиозный человек. – Дочь его не будет похоронена в скверне чужой земли.

"Вся земля Германии священна," – стучит тростью в пол дед Яков, и волосы его встают дыбом. Марта, его любимая невестка, будет похоронена в саду его усадьбы, между дикими зарослями и кустами сирени, которую она так любила.

Тяжкий этот спор разрешает раввин из Штеттина к удовлетворению отца покойной. Похороны будут по еврейскому обычаю на еврейском кладбище.

На семь дней траура закрылись ее отец и его сын, брат Марты, Ицкалэ в комнате, отведенной им в доме семьи Френкель. Фрида, с нескрываемо кислым выражением лица, поставила им на стол новую посуду и кошерную пищу, специально привезенную из Штеттина. После семи дней траура маленькие Бертель и Бумба вернулись из дома дяди Ицкалэ, брата матери, в Бреслау – в свой дом. Пребывание у дяди было сокращено из-за Бертель: она не хотел мыться, ничего не хотела брать в рот и все время плакала. В доме дяди все это относили за счет ее тоски по матери. Только служанка одна поняла, что все это от стыда. Пятилетняя девочка мочилась в постели, как и Филипп, сын дяди и тети.

Миновали семь дней, и гнев Фриды был обращен на бородатого еврея, отца покойной Марты: на семь дней он заперся в комнате, не менял одежды, не обменялся ни единым словом с внуками. После семи дней он тут же уехал с Бианкой в Кротошин и велел сыну Ицкалэ продать их семейный дом.

Марта покинула этот мир. Артур исчез – переживать свое горе в неизвестном никому месте. В течение суток мгновенные и резкие изменения произошли в жизни детей. Лотшин оставила гимназию, чтобы помочь Фриде следить за младшими сестрами и братьями. Гейнц, молодой, умный парень, закончивший гимназию с отличием, расстался с мечтой – поступить на гуманитарный факультет университета имени Гумбольдта в Берлине.

"Слушай, парень, – с высоты своего роста обратился дед к внуку, похлопав его по плечу. – Я не люблю, когда меня потчуют пустой тарелкой, без супа. Хватит нам двух философов в семье".

Дед имел в виду двух своих сыновей гуманитариев: "Еще одна такая катастрофа, и я сойду в Преисподнюю". И, вопреки своим наклонностям, Гейнц записался на учебу в высшую школу торговли и бизнеса. На плечи старшего брата легла вся тяжесть ответственности за сестер и братьев. Он видел в этом свой долг перед покойной матерью.

Любовь к маме направляла Гейнца. Умный и красивый мальчик постоянно был рядом с матерью. Над ним смеялись, называя маменькиным сынком, говоря, что он держится за мамину юбку. Но никакие насмешки не могли отдалить его от матери, заменить его первенство в ее сердце.

Мать покинула этот мир, отец удалился. Дед затеял капитальный ремонт в берлинском доме к приезду внуков. Старшие почувствовали ответственность и старались преодолеть катастрофу. Бертель чувствует ужасное одиночество. Боль и печаль отдаляют ее от самой себя.

Нечто странное происходит в ее душе. Как никогда раньше, она страдает от присутствия людей, ибо она, девочка странная и некрасивая. Каждый взгляд на нее со стороны сбивает ее с толку. Особенно взгляды милосердные, холодные и равнодушные, и даже теплые, поддерживающие или переживающие за нее – какими бы они ни были – холодят ей спину и охватывают дрожью все тело. Что-то в ней происходит. Что-то чужое заставляет ее уединяться, забиться в какую-нибудь щель с последним подарком матери – небольшой коричневой шарманкой, наигрывающей колыбельную песню Брамса.

В усадьбе деда, в Пренслау, она заползала на животе в потайную комнату, чтобы никто не видел ее плачущей, и там ослабевала колющая боль в горле от тяжести, что поднималась волной из живота до головы. В этом тайнике увлажнялись ее щеки от слез – из-за злого мальчика из класса, который стащил с ее стола закладку из слоновой кости, подаренную ей дедом после похорон матери. В классе она не покидала своего места, боясь попросить у воришки вернуть ей красивую закладку, потому что он кричал ей вслед: “ еврейка, еврейка!”

Она не знает, что это – еврейка, но чувства ей подсказывают, что это – оскорбительная кличка. В этом темном углу усадьбы деда нашла она место для одиночества, и там же душа ее окутывается печалью по Гюнтеру, круглому сироте, что был ее женихом и единственным настоящим другом.

Бертель замыкается в себе. В тайнике тоска по матери обращает ее к воспоминаниям, возвращая материнский голос: "Артур, зачем наказывать ребенка. Он просто хотел нас удивить".

Дело в том, что во время каникул в Берлине родители ушли в город немного развлечься, а Фрида следила за детьми. Маленький Бумба достал из подвала коробку красок и щетку и прокрался в чайную комнату, расположенную во «взрослой» части дома

Вернувшиеся родители впали в шок, найдя малыша в чайной комнате. Малыш с гордостью показывал родителям покрашенные стены. Отец решил наказать Бумбу – не выпускать его из комнаты. Мать отменила наказание, и отец ограничился предупредительной воспитательной беседой.

"Бертель! Бертель!" – крики несутся издалека, врываются в сон. Ильтшен, поздний ребенок графа и графини, по кличке Попшен, хочет спуститься к реке. Попшен того же возраста, что и Бертель, и плавает, как рыба. Как-то отец Бертель видел, как Попшен прыгает в воду и плывет, загребая воду руками. Он озабоченно морщил лоб, ибо его дочь-малышка грустно стояла на берегу и не хотела напрягать мускулы, подобно смелой дочери соседей. Отец не понимает, что она боится утонуть.

Марты нет. Артур исчез. Дед и его внуки живут в богатом доме на Вайсензее, в Берлине. Домашний учитель детей Фердинанд живет на одном этаже с детьми. Руфь, Гейнц, Лотшин и Эльза как-то сразу повзрослели. Бертель в одиночестве болтается по Западному Берлину, кружит вокруг огромного здания, в надежде найти Гюнтера во дворе сиротского дома. Лотшин запрещает ей искать Гюнтера и его младшего брата, а также встречаться с помощником директора банка в Пренслау, который уволен и теперь проживает в Берлине. Бертель не перестает рыдать. Ей не дают встречаться с любимым ею молодым банкиром, который скачет верхом, как рыцарь, герой романов. В Пренслау он останавливал коня около нее, интересуясь книгой, которую она читает, задавал ей вопросы и говорил, что она красива и умна. Иногда соскакивал с коня и читал вместе с нею. Рыцарь не забыл свое обещание – повести ее в дорогое берлинское кафе, но Лотшин теперь полностью руководит ее жизнью. Опять отобрала у нее телефон и решительным голосом сказала банкиру, что Бертель маленькая девочка, и она запрещает ей с ним встречаться. Бертель заупрямилась, сказав, что он – ее друг, и только он ее любит. Лотшин ожесточилась, увидев, как он усаживает ее маленькую сестру в седло, гладит ей волосы, осыпает ее комплиментами. Ей казалось подозрительным такое отношение симпатичного моло-

дого человека к ее сестре, еще совсем ребенку. "Подрастешь, я тебе объясню", – говорила она Бертель строгим голосом.

Мир продолжал жить по своим законам, но Пренслау не был желанным для Бертель городом без матери, без отца, оставившего дом, без владельца банка, умершего от болезни легких, без сирот – братьев Гюнтера и Клауса, без молодого банкира – рыцаря.

Дед сказал, что летние каникулы они проведут в его усадьбе, но она предпочитает потаенные уголки их дома в Берлине. Прячется в соломенных корзинах, предназначенных для изношенных детских одежд, прячется в кустах розовой и белой сирени. Какая-то магическая сила толкает ее в эту сиреневую гущу. Без определенной цели укрывается в зарослях сада, окружающего дом. В руках у нее – тетрадь, карандаш и ластик. В мгновение ока неживые предметы превращаются в ее воображении в живые существа, и тетрадь заполняется рассказами о них. И столь же неожиданно прекращаются мелодии, звуки становятся скрипучими, слова исчезают.

Она отдаляется от самой себя. Ее охватывает страх, пока мысли не возвращаются к ней. Только так она все более приближается к себе. Стирает все написанное и сочиняет новый рассказ. Ей кажется, что если она расскажет отцу о том, что с ней творится, он даст ей мудрый совет, как быть. Но отец уехал и не знает, насколько она несчастна. Странные видения посещают ее, и порой она не может различить, дремлет или бодрствует, объемлют ли ее грёзы, или это происходит в реальности. Она дает себе обет молчания. И в душе ее сливаются все чувства, ощущения, мысли в единое целое.

Бертель замыкается в себе. Никто из окружающих не проникнет в тайны ее души. Аромат сирени усмиряет ее мысли, строящие миры в ее воображении. В окружении благоухающих цветами клумб она чувствует себя защищенной от любых горестей.

"Бертель! Бертель!" – домашние ищут, куда спрятался этот гадкий утенок. Фердинанд и Фрида, служанки и дети носятся по коридорам, комнатам, рыщут на чердаке, среди старых перин и ветхих одеял. Она не отвечает. Неотпускающая тоска по матери сушит гортань, не дает возможности издать хоть звук, уносит ее в мир галлюцинаций, попадает в самые запутанные извилины ее души. Единственный, кто понимает, что с ней происходит, кажется ей, это старый садовник, живущий в маленьком домике, в глубине сада. Он обнимает ее, и она прижимается к нему, прячет голову у него на груди, и человеческое тепло согревает ее.

Наступило лето. Гейнц на их черном автомобиле вез Бумбу, Лоц и Бертель на усадьбу к деду. Лоц и Бумба всю дорогу развлекались, а Бертель трудно было дышать от страха, что вдруг олень выскочит из леса под колеса автомобиля, и они опрокинутся посреди шоссе. Так погибла графиня из Пренслау. Лишь тогда, когда автомобиль приблизился к старой стене, окольцовывающей городок, миновал ворота, покатил по широкой аллее, Бертель успокоилась. Эта красивая дорога всегда вызывала в ней волнение.

В большом дворе дедовской усадьбы блеет коза, мычит корова, ревет осел, кудахчут куры. По соседству с курятником и загоном коз, в тени деревьев, Бертель погружается в чтение, в то время как Бумба и Лоц носятся с ватагой детей среди грядок картофеля и сахарной свеклы, среди колосьев пшеницы и ржи, чумазые, грязные и даже не думающие мыться. Гребень не касается их диких шевелюр, вши могут вольно в них размножаться, грязь накапливается под ногтями. Все это вовсе не волнует деда, и он с удовольствием наблюдает за любимыми внуками, этакими свежими цветами жизни, вырвавшимися на свободу из тисков воспитания и дисциплины, в которые заковал их его сын Артур. Внуки шатаются по зеленым просторам, как дикари, без устали взбираются на холм, огражденный забором, рядом с усадьбой деда, и скатываются к чистым водам озера. Здесь же, на вершине холма стоит Филес Копель, надсмотрщик над лошадьми всех усадеб, окружающих городок. Дед покрывает значительную часть содержания Копеля, выдавая ссуды графу, которые становятся безвозмездными. Копель один из пяти возничих, которые занимаются лошадьми, живет в домике. Лоц с дружками любит посещать этого грузного краснощекого конюха. Бертель же побаивается его, не любит площадной язык

общения деда с пьяными рабочими. Они не говорят, а кричат все сразу лающими голосами на тяжелом прусском сленге юнкеров. Отца нет, и Бумба позволяет себе шутить с рабочими на этом примитивном языке, дешевом и грубом. Она прячется в каких-то потаенных уголках, ей мерзко от этих лающих криков.

Воскресное утро в городке не похоже на обычное. Дед, одетый в праздничный костюм, повязав галстук, вставив в лацкан цветок, в черном цилиндре, взбирается в черную блестящую карету. В руке у него трость с серебряной рукояткой. Дед едет в церковь с внуками и двумя рабочими, также нарядившимися в праздничные одежды, чтобы выслушать проповедь и помянуть в молитвах деда, дающего им заработать на жизнь. А дед возносит глаза к небу, молясь не восседающему на небесах, а кайзеру, его величеству Вильгельму Первому, в дни правления которого дед создал процветающее предприятие – завод по производству железа и стали. Он также не забывает в своих молитвах Вильгельма Второго, пребывающего в изгнании после катастрофы, к которой он привел отечество.

Во вторую половину воскресного дня множество людей общины собирается в усадьбе. В гостиной сидят женщины, пьют кофе, едят пироги и вяжут носки с управительницей дома Агатой. В большой беседке, во дворе, вместе с дедом, сидят мужчины. Лысый скотник Руди разливает по бокалам пиво, вино. Все пьют, закусывая баранками. Граф, владелец самой большой усадьбы в округе, тоже приходит и усаживается между мужчинами в беседке. Опьянев, он начинает вещать: "Кровь должна пролиться! Кровь! Евреи виноваты!" Нос его багровеет, волосы встают дыбом, как у ежа. Обернувшись к деду, добавляет: "Но если бы все евреи были как ты…" Прежде, чем он успевает хлопнуть деда по плечу, у того тоже волосы встают дыбом, и он орет: "Дубина! Чтобы ты и все, такие же, как ты, тупицы, делали без евреев!"

Кончились летние каникулы. Дети возвращаются в Берлин.

Глава вторая

Раздается звонок дверного колокольчика. Фрида открыла дверь. «Хозяин приехал!» – закричала она. Все стихло в доме. Артур обвел стены потускневшими серыми глазами. Рядом с ним стояла незнакомая женщина. Фрида, захваченная врасплох, взяла в руки чемодан и окинула мимолетным взглядом полную шатенку, которую господин привез с собой из Давоса. Гостей мгновенно обступили удивленные дети со школьными ранцами. Даже маленький Бумба, который не закрывал рта, замер на несколько секунд, а придя в себя, закричал: "Отец вернулся!"

Дед и Фрида не были так удивлены, как дети, ибо были в курсе дела.

В передней напряжение не спадало. Бертель и Бумба довольно равнодушно оглядывали спутницу отца. Старшие братья и сестры сжимали зубы, неприязненно глядя на отца и его спутницу. Он оставил семерых детей сиротами и не подавал о себе весточки. Такое дети не прощают. Не прошло еще и года со дня смерти матери, а чужая несимпатичная женщина врывается в их жизнь. Старшие отводят Бертель и Бумбу от этой женщины, как от скверны.

Женщина, Дорис Брин, медсестра клиники в Давосе, запирается в отведенной ей комнате. А хозяин дома, женившийся на тридцатилетней женщине, не защищает ее от враждебности и холода. В этом роскошном доме спальня Дорис отдалена от спальни Артура. Новая жена чувствует себя как зверь в золотой клетке. Не может Артур, так скоропостижно женившийся на Дорис, разделившей его трапезу и его скорбь, сопротивляться витающему вокруг него духу покойной красавицы-жены, его любимой Марты. Она преследует его в воспоминаниях о проказах, оживлявших каждый миг их супружеской жизни весельем и лаской. Все это мешает ему привыкнуть к сухости и консервативности новой жены. Марта поджидает его в каждом уголке окружающего пространства, отдаляя от Дорис.

"Вот что значит, жениться от безысходности", – сухо объяснил он старшим детям Лотшин и Гейнцу, видя их укоризненные взгляды. – Бертель – необычный ребенок, Бумба – избалованный дикарь. Они нуждаются в матери". Гейнц сомневается в этом и обвиняет его в безразличии к своим детям, в том, что оставил их.

В Гейнце живет неприязнь, копившаяся годами. Он не забыл, что Марту, их мать, отец желал иметь лишь для себя, отдаляя ее от детей. Несколько месяцев, с момента появления мачехи, Бертель обреталась в нише, около кухни, в которой раньше, до появления центрального отопления, хранили уголь. Теперь она пустовала, и Бертель, свернувшись в клубок, ловила обрывки женских кухонных сплетен. На кухне говорили о том, что будет после того, как новая жена отца покинет дом. Фрида с удовлетворением сообщала, что дед занимается возмещением убытков новой жене и делами развода. Бертель ползком выбралась из ниши, поднялась по винтовой лестнице и ворвалась, подобно циклону, в комнату Лотшин.

"Лота, новая папина жена уходит!"

"Жены нет. Она не существует, – Гейнц зашел в комнату и сердитым голосом холодно и жестко приказал: – Бертель, забудь эту женщину".

Дорис покидает дом: то ли возвращается в свой родной город Лисау с большой суммой компенсации, то ли остается в Берлине работать медсестрой в еврейской больнице. Но история на этом не завершилась. По закону Дорис остается женой отца. К разочарованию и огорчению детей она вернется в дом.

Но пока, с ее уходом, отец ведет себя странно. Он снял с дубовых стен картины периода рококо, работы известных экспрессионистов, и вместо них повесил масляные портреты покойной жены, написанные художником по ее фотографиям.

Бертель трудно дышать. Со всех сторон мама следит за ней пронзительным взглядом – в гостиной, в комнатах, в большой библиотеке и даже в роскошной столовой. Постоянное напо-

минание о потери отзывается болью в душе девочки, она изо всех сил старается сдерживать слезы горя. Старшие братья и сестры молчат, но и им тяжело. Фрида вообще не выражает своего отношения. Артур, которого она вырастила, вернулся домой чужим. Фрида смотрит на портреты покойной, а перед ее взором стоят молодые хозяева, танцующие в гостиной под громкие звуки музыки. Она помнит, как Артур брал из рук жены гребень из слоновой кости и расчесывал ее шелковые волосы. И вся комната вспыхивала пламенем любви.

Артур изменился. Фрида, с давних пор держащая дом в своих руках, сочувствует его страданиям и преклоняется перед его мужеством. Артур никому не доверяет своей печали. Подобно ему ведут себя дед и дети. Каждый, согласно своему характеру, в одиночестве, в себе самом, борется со скорбью. Так уж они воспитаны – аристократы, привыкшие не выказывать своих чувств.

Артур следит за образованием и воспитанием детей издали. На этаже, где расположены комнаты детей, находятся специально оборудованная по его указаниям, в соответствии с продуманными принципами педагогики, ванные комнаты. Пол и стены облицованы дорогим кафелем. Для дочерей кафель с голубой полосой специально был заказан в голландском городе Дельфт. Три ступени ведут к большому бассейну для купания. Ширмы отделяют бассейн от застекленной веранды, предназначенной для спортивных занятий. Здесь расположены гимнастические снаряды для упражнений на кольцах, брусьях, коне. Висят боксерские груши, стоят высокие лестницы. К ванной примыкает солярий, где дети могут загорать. В том, что касается гигиены, Артур не терпит никаких поблажек. У каждого ребенка свой личный комплект для купания: полотенце для лица и для тела, купальный халат и обувь, маленький коврик. На всех вещах вышиты имена владельцев. В ванной – отменная чистота и порядок. Блещут чистотой умывальники, большие зеркала по стенам, шкафы для пижам, шкаф, набитый лекарствами, кремами и мазями – всем, что необходимо для гигиены тела.

Постепенно Артур возвращается в свое нормальное состояние, устанавливает в доме прежний порядок. Только одна Бертель нарушает правила. То она прячется за бархатными портьерами, ниспадающими до пола в кабинете отца или в гостиной, то в пять часов после полудня устраивает засаду на отца в просторной столовой, самой красивой комнате дома. Артур сидит за черным роялем, окруженный стенами из темного дуба, и прекрасная Марта следит за ним с портрета. Над складками пурпурных портьер ее карие глаза улыбаются в такт звукам рояля.

Фрида ревностно охраняет уединение отца. Но Бертель вторгается в него, всякими уловками обходя стоящую на страже домоправительницу.

"Есть у тебя бриллианты и жемчуга, есть у тебя все, чего жаждут люди", – звучат из уст отца под музыку Шуберта стихи Гейне. – Прекрасны глаза твои. Скажи, любимая, чего ты еще желаешь". Бертель слушает, затаив дыхание. Отец – тонкая натура. Но сейчас его обычно сдержанное, спокойное лицо изменилось, стало странным, чужим. Он словно бы уменьшился, обмяк. Глаза не отрываются от портрета на стене. "Я купил тебе жемчуга", – жалобы его нескончаемы. Взгляд жены на портрете полон любви и жалости. В звуках рояля колышутся, то вспыхивая, то погасая, воспоминания. Отец тонет в страданиях, вырывающихся мелодией из-под пальцев:

Для тебя – жемчуга и золото,
Ибо сердце мое расколото.
От любви ли, от жажды пылаешь?
Я куплю все, чего пожелаешь.
Мое сердце рвется на части.
Что еще тебе надо для счастья?
Сердцу больно под игом любви.

Чудно светятся очи твои.

Бертель соприкоснулась с отцовской тайной. Лицо его осунулось от тоски и страданий. Его несчастье, его одиночество передаются Бертель, вызывая в ней нестерпимую жалость к отцу – ведь он страдает от того, что не сумел спасти любимую.

Лотшин права: эпидемия гриппа унесла на тот свет многих. Невозможно было спасти мать. Отец играет произведения Шуберта и Бетховена, и эти звуки смягчают в его душе боль и тяжесть утраты.

Бертель следит за каждым его шагом, и боль скрепляет их невидимой нитью. С того дня, как отец вернулся домой, он избегает дочь, не обращается к ней, как к малышу Бумбе: "Идем, дорогой мой, погуляем немного по саду". Отец протягивает руку любимчику и ведет его по садовым тропинкам. Они переходят от дерева к дереву, от цветка к цветку, и отец рассказывает ему о свойствах растений, всему, чему учил его садовник. Но она, Бертель, черная, как ворона, стоит в стороне, ибо нет у нее симпатичных веснушек на лице и рыжих до красноты кудрей. Бумба хвастается, что все его любят, балуют, и он прав. Отец не наказывает его за то, что он врывается в его кабинет, когда ему заблагорассудится. Бумба усаживается отцу на колени, смешит его своими шалостями. Отец гладит его кудри с нескрываемой любовью, и это вовсе не связано с днем рождения малыша. Иногда вечером отец поднимается в его комнату – пожелать любимчику спокойной ночи и поцеловать его в лоб. И Бумба спрашивает:

"Почему у всех детей есть мамы, а у меня нет?"

"И у тебя есть мама. Она все время с нами".

"Расскажи мне про нее".

"Что бы ты хотел услышать?

"О гусях. Как они атаковали маму".

Бертель прижимает ухо к двери, и ревность бушует в ней. Лотшин говорит, что она большая и умная девочка, и не надо ей рассказывать сказки, которыми потчуют малых детей. Добрая старшая сестра не может понять всей серьезности проблемы, которая мучает младшую. Каждый раз, когда отец натыкается на нее в длинных коридорах, в гостиной или столовой, он отворачивает голову.

"Лота, отец меня не любит. Не смотрит на меня, потому что я черна и не так красива, как все остальные".

"Тебе это только кажется. Отец о тебе заботится больше, чем обо всех остальных".

"Нет, Лота, он даже не смотрит на меня".

Перед Бертель маячит взгляд отца, холодный, уклоняющийся. Порой он полон отчаяния и беспокойства, порой – удовлетворения и гордости, а порой – глубокой тоски. Невыносимо для нее выдерживать его разочарованный взгляд. И вовсе неверно, что отец именно ее любит больше всех, ибо она похожа на мать. Отец отталкивает ее, потому что она уродлива, да и характером не походит на своих сестер и братьев. Бертель прячется по темным углам дома, уходит мыслями в глубины своей души. Конечно же, Лотшин понимает, что сестренка тоскует по матери, и потому старается больше играть с ней.

Волшебство и святость таятся в темных застывших портретах матери. Бертель получила из маминых рук маленькую коричневую шарманку, последний ее подарок. Колыбельная песня Брамса звучит из шарманки и проникает в детскую душу. Девочка слоняется из угла в угол, поглаживает зеленые шелковые портьеры и такое же покрывало на пустой постели. Лотшин видит, как сестра вдыхает запах, заполняющий комнату, и говорит, что отец любил особые духи матери – смесь лимона, масел, разных ароматных растений. Бертель открывает шкафы, разглядывает одежды из бархата, роскошных мехов, зажмуривается, уткнувшись носом в мягкие шелковые ткани, аккуратно сложенные в ящики. Ароматы пульсируют, распространяясь

от парфюмерии, маникюрных наборов, гребней из слоновой кости, Все это в сумрачной комнате матери кружит ее голову, ввергает в священный трепет.

"Они сделаны из слоновых бивней, Бертель", – Лотшин показывает ей столик с косметикой. Большой поднос из слоновой кости загружен разными вещицами из той же слоновой кости – гребнем, щетками, флаконами, крохотными бутылками с духами, фигурками животных. Бертель так хочется прикоснуться к этим вещицам, но рука непроизвольно прячется за спину. "Бертель, это мамино наследство. Она хочет, чтобы ты играла с этими вещицами", – говорит Лотшин и оттягивает цепь настенных часов с кукушкой. Раздаются звуки вальса Штрауса. Зрачки девочки расширяются при виде танцора и танцовщицы, которые выглядывают, сменяя друг друга, из окошечка часов, тоже сделанных из слоновой кости. "Бертель, расскажи мне историю танцора". История длинная, Лотшин два-три раза оттягивает цепь часов. Бертель, можно сказать, импровизирует, сочиняя историю о принце-танцоре и горькой участи танцовщицы. Лотшин повязывает шелковый платок матери на голове девочки, и сказка удлиняется. Танцовщик объясняет танцовщице, почему, как наказание, на ее голове образовался нарост. Принц устроил засаду и ждал, когда она выйдет из домика слоновой кости, и приказал ей танцевать. Она возражала. Тогда он выхватил меч и убил ее. Лотшин слушает молча, погрузив руку в глубокий серебряный сосуд. Затем предупреждает: "Нельзя трогать вещи матери без разрешения".

Внезапно Бертель трясет головой. Венецианское зеркало матери пугает ее. Нескладная, с гривой черных волос девочка, взирающая из глубины зеркала, отпугивает ее. "Давай, поиграем в дочки-матери", – Лотшин отгоняет от сестренки страх. Девочка растягивается на оранжевом ковре, пряча лицо в серебряный сосуд, хнычет.

"Тебя зовут к столу поесть, – говорит Лотшин, – а ты не можешь оторваться от книги! Вся семья за обеденным столом, а ты куда-то пропадаешь". “Мама” Лотшин строго отчитывает дочь. Девочка молчит и почти не дышит. "Бертель, игра закончилась. Возвращайся к жизни", – провозглашает Лотшин и покидает вместе с девочкой комнату. Отец не должен знать, что чья-то нога ступала в "Святую святых" покойной матери.

Отец наказал хранить одежды, вещи, драгоценности и предметы парфюмерии – любую мелочь, принадлежавшую ей. Фриде вручил он на хранение ключи от комнат покойной с единственной целью – следить за чистотой и вовремя удалять пыль.

Но малышка Бертель нарушает границы и проникает в запрещенные отцом места. В комнате матери сидит в одиночестве перед большими зеркалами и не решается в них заглядывать. Отдергивает руки от парфюмерного столика, от подноса с украшениями. И тут начинается большое веселье. Бесы, ведьмы, голоса и разноцветные привидения врываются в комнату, кружась в нескончаемом танцем, пугая трубными звуками. "Бертель!" – голос привидения сотрясает стены комнаты. Бумба, с криком, вырывается из укрытия. Фрида бежит на крик, хватает Бертель за загривок, выволакивает нарушительницу из спальни покойной.

Бертель замыкается в себе. Фрида не понимает, какой душевный урон она наносит малышке. Из-за Фриды добрые голоса исчезают. Злые же голоса заполняют ее сны, уносят ее в неизвестные дали, она произносит невпопад странные фразы, вызывающие смех у домочадцев. Говорят, что своими странностями она походит на дядю Альфреда, чудаковатого профессора.

И тут происходит нечто странное и пугающее. Девочка напугала Фриду. Она записала для отца бредовые видения, которые вертелись у нее в мозгу.

"Бертель", – отец обращает на нее непривычно мягкий взгляд, – не торопись взрослеть. Займись играми, а не взрослыми мыслями".

Лотшин пытается тронуть его сердце:

– У Бертель слабый впечатлительный характер. Она думает, что ты ее ненавидишь.

Отец отвечает ей откровенно:

– Ее черные глаза приносят мне боль. Словно на меня смотрят глаза ее матери. Я не могу это выдержать.

– Ты обязан это преодолеть.

– Береги свою сестру.

Обычно он удобно устраивался в своем кожаном кресле, покрыв колени тигриной шкурой, а Марта следила за ним печально и задумчиво с двух портретов на стене – в золотой и кожаной коричневой рамках. Бертель беспокоит его: она единственная из детей, кто хочет знать своих бабку и деда из польского Кротошина. Он уклоняется от ее просьбы. Никак не может простить тестю и теще то, что они отказались от дочери.

Он, жестко придерживающийся порядка и дисциплины, со стороны наблюдает за тем, как растут его дети – в атмосфере вольности и вседозволенности.

Лоц и Бумба заперли дядю Мартина в туалете и, слыша его крики о помощи, хохотали. Бумба, его любимчик, не получил основ правильного воспитания. Бертель всегда выглядит неряшливой, ходит с гривой нечесаных волос, в запятнанной одежде, ее ногти не подстрижены. Фрида жалуется на то, что девочка не моется, не чистит зубы, прячется по темным углам, уединяется и молчит. Артур хочет послать младших детей в элитный интернат в Англии или Швейцарии. Дед встал на дыбы: "Прекрати эти разговоры, Артур, ни один ребенок не покинет этот дом!"

Гейнц и Лотшин по-прежнему сердятся. Они считают, что отец, который бросил детей в скорбные дни траура, а затем вернулся с новой женой, даже не поставив их в известность о таком важном событии, потерял право указывать им, как жить. Взрослые дети не простят ему отчужденность. Дед оставил свою усадьбу, приняв на себя обязанности отца. Гейнц стал его правой рукой в управлении сталелитейной фабрикой. Лотшин была вынуждена оставить учебу в гимназии и заняться домашним хозяйством. Теперь она помогает Фриде в воспитании младших детей. Кудрявые сестры-близнецы считают, что могут жить так, как им хочется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.